

Михаил Кречмар

Насельники с Вороньей реки

Михаил Арсеньевич Кречмар

Насельники с Вороньей реки

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2377925

Насельники с Вороньей реки: Изд. дом «Бухгалтерия и банки»; М.; 2010

ISBN 978-5-902479-14-7

Аннотация

«Насельники с Вороньей реки» – удивительная книга. Книга-быль, книга-детектив, книга-жизнь... Автор с ювелирной точностью повествует о жизни на Севере, не приукрашая, но в то же время и не очерняя действительности. Жизнь Севера, судьбы людей, там живущих, и реалии современной России как таковой – всё это прорисовано удивительно верно. Страница за страницей перед нами раскрывается повседневная жизнь людей, их радости и горести, заботы и мечты... Словно раскатываются километры дорог нашей необъятной Родины, где каждая веха – это чья-то жизнь.

Содержание

Предисловие	4
Насельники с Вороньей реки	5
Место происхождения	6
Стойбище Дьячковых	10
Снег на реке	15
Охотник Чохов	16
Метеостанция «Куранай»	20
Река	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Михаил Арсеньевич Кречмар

Насельники с Вороньей реки

Предисловие

Каждая книга – это новый мир, новые границы и новые знания, своего рода мостик, проложенный из серых будней в неизвестное далёко. Вот, скажем, много ли вы знаете о Севере, о его коренных жителях? Думаю, что нет. Даже сильно напрягши свою память, большинство из нас вряд ли вспомнит более десятка известных нам фактов о Сибири и её жителях и, скорее всего, плохо представляет себе, кто такие насельники...

«Насельники с Вороньей реки» – удивительная книга. Книга-быль, книга-детектив, книга-жизнь... Я смотрю на неё как на свидетельство человека, который там живёт и знает ситуацию изнутри. А оно, как говорил Варлам Тихонович Шаламов, дорогого стоит. Михаил Арсеньевич Кречмар с ювелирной точностью повествует о жизни на Севере, не приукрашая, но в то же время и не очерняя действительности. Жизнь Севера, судьбы людей, там живущих, и реалии современной России как таковой – всё это прорисовано удивительно верно. Страница за страницей перед нами раскрывается повседневная жизнь людей, их радости и горести, заботы и мечты... Словно раскатываются километры дорог нашей необъятной родины, где каждая веха – это чья-то жизнь. И как мелочны, алчны и жалки кажемся мы, жители «Большой земли», со своей непрерывной и изматывающей вечной вознёй в наших городских муравейниках, по какому-то недоразумению называемой жизнью. Только здесь, на Севере, в естественном единении человека и природы – действительно настоящая жизнь! Но удивительное дело: и тут мелочность, жадность и алчность никуда не исчезают – скорее наоборот, в условиях постоянной борьбы за выживание всё то наносное, что привносит город, цивилизация, отходит в сторону, обнажая истинные, звериные, инстинкты. Или ты их, или они тебя. Без обид. Всё просто и честно.

«Насельники с Вороньей реки» – старый добрый приключенческий роман с элементами детектива, который я искренне хочу порекомендовать всем для прочтения. *«На Севере люди умирают по-разному... Как, впрочем, и везде».*

М. Гончаров. Сентябрь 2009 г.

Насельники с Вороньей реки

На Севере люди умирают по-разному... Как, впрочем, и везде. Бывает, спит человек в своей избушке или палатке, да и не проснётся. Или оступится на ледяной корке, упадёт и стукнется о каменную кромку виском. Или провалится в полыню на тридцати-сорокаградусном морозе, да и так и замёрзнет в реке. А может случиться и так, что человек простывает, сперва намочнув в воде, затем продрогнув на пронизывающем осеннем ветру и, наконец, вымотавшись до бессознательного состояния. Тогда человек умирает медленно и мучительно, задыхаясь от кашля в проволглom спальном мешке, не в силах развести костёр, на котором можно вскипятить банку чая. Жизнь покидает его медленно, вытекая по капле, и он застывает постепенно и страшно, то на короткое время поднимаемый надеждой, то придавливаемый мыслями о неизбежности смерти, гаснет, как прозрачный огонёк фитиля в луже расплавленного парафина, задолго до того как подоспее помощь.

Проблема как раз в том, что помощь здесь может не подоспеть никогда.

Потому люди на Севере стараются не путешествовать в одиночку: напарник всегда может найти выход из практически безнадёжной для одинокого странника ситуации, подаст руку на переправе, вытащит из полыни, поможет поддерживать огонь у жилища. Ну а в крайнем случае – принесёт известие о твоей смерти в ближайшее селение: вот, мол, умер достойный товарищ или раб Божий там-то и потому-то, закопал я его в мерзлоту и поставил над ним крест с перекладиной или столбик со звёздочкой.

Ну а там будут разбираться или нет – будущее покажет.

Человек, на останки которого я смотрел уже минуты три, явно путешествовал в одиночку. Он так и лёг здесь, на сухом пригорке в самых верховьях Вороньей реки, на хрустящей подстилке из сухого оленьего лишайника – ягеля, прижавшись правой скулой к стелющимся веточкам брусники, лицом на юг, к лежащей перед ним тонкой полосе ивняка с отдельно торчащими тополями, один лишь взгляд на которую вызвал бы у жителей Центральной России гримасу отвращения, но бывшую для обитателей местной тундры просто дремучим лесом. Ведь этот ивняк и эти тополя – единственная лесная растительность от самого края таёжных лесов в сотне вёрст к югу и до кромки Северного Ледовитого океана и потому называется здесь «лесом».

Наверное, я на его месте тоже захотел бы умереть, глядя на этот редкий, прозрачный лес, а не на посыпанные мелкой снежной пудрой горы на горизонте. Горы, за которыми ничего, кроме океана, нет. Атак – хоть какая-то жизнь, чёрт побери.

Впрочем, незнакомец вряд ли был настроен умереть именно в тот момент, когда это случилось, – в левом виске вросшего в сухой ягель черепа была хорошо видна аккуратная дырка от пули.

Вот уже три минуты я молча стоял над россыпью костей и тряпок, которые год или полтора тому назад были человеком, подставив лицо ветерку, слабо, но уверенно тянувшему с севера. По щекам чиркали первые сухие крупички снега.

Я ведь тоже путешествовал в одиночку...

Место происшествия

Наверное, он пришёл сюда за тем же, что и я, — осмотреть путь, лежащий вниз по реке. К посёлку Бычье Куйло, аэродрому и связи с внешним миром, куда этот человек, судя по всему, и собирался вернуться.

О том, что он не был здешним жителем, говорило многое. Тёплая дорогая парка Patagonia, ботинки Columbia, высокие ботинки Le Crosse, бинокль...

На позвонках скелета лежал ремешок с полустёртой надписью Canon то ли бинокля, то ли фотоаппарата. Для того чтобы понять, что это на самом деле, надо было перевернуть останки. А делать это не полагалось ни в коем случае.

Ну во-первых, любой закон запрещает трогать что-либо на месте преступления, если вы уже ничем не можете помочь потерпевшему. А уж помочь ему я, понятное дело, не мог никак, ибо «потерпевший» умер не меньше года тому назад.

Во-вторых, другой, уже неписанный, закон этих мест говорит почти то же самое, но уже по другим резонам: если ты обнаружил мёртвого человека и ничем не можешь ему помочь, то лучшее, что ты можешь сделать, — это пройти мимо, ничем не выдавая своей находки. Этим самым ты обретаешь душевное спокойствие, ведь никто не будет тебя трясти, допрашивать и пытаться посадить в тюрьму (ибо в России проще всего «пришить» преступление первому сообщившему о нём человеку), и избавляешь окружающих от множества неприятностей, связанных со следствием. Да и кости сгинувшего бедолаги, таскаемые по моргам и лабораториям, вряд ли при этом обретут покой, который они, безусловно, уже имеют там, где даже геологический вездеход проезжает раз в тридцать-сорок лет.

Что же касается человека, который совершил убийство, то не судите, да не судимы будете, и пусть оно останется на его совести. В конце концов, итог для всех один и никому из нас не удастся выйти из жизни иначе, как в Смерть.

Моя лодка была привязана под кустами в глубокой заводи чуть выше по течению, у подножия этого невысокого холмика, на который я взобрался, чтобы проглядеть лежащую передо мной долину. Если незнакомец пришёл сюда по реке, что представлялось наиболее логичным, то он, скорее всего, и лодку оставил именно там.

На всякий случай я спустился к берегу и прошёл вдоль края воды около трёхсот метров, продираясь через заросли ивняка, однако ни рваной прорезиненной ткани, ни свёртков со спальным мешком и палаткой, ни кружек и котелка, то есть никаких остатков нехитрого экспедиционного имущества, выпавших из потерянной лодки, я не обнаружил.

С одной стороны, в этом не было ничего удивительного: мощные паводки подхватывают на этих реках любые плавающие предметы и уносят их за десятки километров. С другой — лодка (скорее всего, это была резиновая лодка, как у меня) вязалась к кустам капроновой верёвкой, которую не всяким трактором можно разорвать. В результате она могла вмёрзнуть в лёд во время ледостава и весной быть изорванной на куски замерзающей в швах днища водой, ледяными полями и проносящимися мимо древесными стволами с верховий, следовательно, скarb бедняги должен был равномерно рассеяться вдоль ближайших излучин реки и при некотором желании часть снаряжения можно было там обнаружить.

При условии, конечно, что лодку никто не отвязал и не увёл.

Хорошее условие.

Убийство для ограбления я практически исключал. Причин для этого было несколько. Ну во-первых, никто из местных жителей не мог безопасно пользоваться краденым снаряжением. Когда на реке длиной четыреста километров проживает семнадцать-двадцать человек, уж будьте спокойны: каждый из них знает родословную каждого судёнышка, лодочного

мотора, палатки и карабина не только в своём пользовании, но и у всех жителей округа. Я помню, как когда-то охотник-промысловик Розенбаум случайно продемонстрировал маленький бронзовый компас своему соседу по участку промысловику Котину. А Котин мгновенно вспомнил, что такой компас был у одного из геодезистов, проводивших съёмку на реке Синяя Ночь четыре года назад. Геодезист пропал, и больше его никто не видел. Через четыре года его компас «засветился» в руках Розенбаума. А весной того же года пропал и сам Розенбаум. И никто – заметьте, никто! – об этом никого никогда не расспрашивал. Вроде как всё решилось само собой.

Деньги? К деньгам у местных жителей отношение своеобразное. Чтобы человека убили из-за денег, их у него должно быть очень много. По крайней мере, больше, чем могут дать среднеудачный сезон охоты на пушного зверя и «мясо», рыбалка или случайная промывка золота.

Я остановился и поглядел на вершину холмика.

Затем вернулся к лодке, сплыл на полкилометра ниже и поставил лагерь на высоком приплёске под прикрытием высоких тополей с ещё не до конца облетевшими листьями.

Предварительно, пока не стемнело, я обошёл место моего будущего ночлега. Кстати, очень полезный обычай, рекомендую. Ведь так ты заранее определяешь, куда идти за дровами после наступления темноты, где лежат брёвна и особо выдающиеся камни, сможешь ли ты в случае резкого подъёма воды уйти на коренной берег.

Ну и ещё: человек, обученный читать следы, сможет довольно много узнать о своих ближайших, то есть живущих в радиусе трёх-четырёх километров, соседях на одну ночь. Для этого надо просто найти несколько полос мягкого грунта или песка, ибо на слежавшейся гальке речного русла, бывает, не оставляет следов даже десятитонный трактор. Чаще всего такие естественные «ловушки следов» образуются у концов обсыхающих заливов или за вросшими в гальку корягами, там, где река намывает мелкий серый мягкий песок или полосы ила.

На этот раз набор следов на этих следовых полосах был вполне ожидаемым. Пара лосей, скорее всего самка с прошлогодним детёнышем, как его принято называть, подсохом. Несколько зайцев-беляков расчеркнулись на песке когтистыми лапами. Должен заметить, что, наверное, ни один северный зверь не приводит в такое недоумение начинающего следопыта, как самый обыкновенный заяц-беляк. Его непропечатанные на песке лапы оставляют две-три малопонятные чёрточки, след заячьей лапы с растопыренными перед прыжком пальцами наводит на мысли о какой-то диковинной руконожке, но те же лапы в момент прыжка проводят на грунте когтями такие царапины, что им позавидовали бы вервольфы, существуй они на свете, а уж расплывшиеся на солнце группы заячьих следов-прыжков у местных шутников давно принято выдавать новичкам за следы снежного человека.

Ну да ладно лоси, зайцы – а вот встретившиеся мне на самом краю кустов следы крупного, даже очень крупного медведя заставили меня немного задуматься.

Для континентальной Чукотки такой медведь был весьма выдающимся экземпляром. Я вытащил из кармана рулетку и приложил жёлтую измерительную ленту к плоскому отпечатку передней лапы. Девятнадцать сантиметров. Я ещё раз померил. И ещё раз.

Нет, не ошибся.

Как минимум триста пятьдесят килограммов живого веса и два с половиной метра от кончика носа до кончика хвоста. А то и два семьдесят. Охотники-профессионалы Камчатки растягивают такие шкуры до трёх метров, чем вводят в сладостное изумление охотников-спортсменов со всего мира.

Но призадумался я не только потому, что совсем неподалёку от моей палатки мог бродить огромный матёрый хищник, – скорее я попытался сообразить, насколько реально орга-

низовать гарантированную охоту на этого монстра. Ведь такой трофеей сам по себе мог стоить тысячи три долларов или евро, в зависимости от национальности трофейного охотника.

Размеры этого зверя на участке промыслового охотника (а именно отсюда, с устья реки Имлюеве, начинался участок охотника Сергея Чохова) говорили и ещё об одном: этот медведь предельно неконфликтный. Конечно, полной гарантии, как говорится, не даёт даже страховой полис, а уж о том, что может твориться в лобастой и клыкастой медвежьей башке, не всегда знает даже её хозяин, но тем не менее...

Что ж, придётся разложить костёр на всю ночь и спать под защитой огня. И ещё, странно: почему постоянно обитающий здесь медведь не заинтересовался трупом того бедолаги с холма?

Ветра не было, снежок тоже перестал, и я устроился возле большого огня, разожжённого под боком огромного бревна.

Ветер шелестел листьями, река тянула свою прозрачную, кажущуюся в сумерках свинцовой воду в другую реку, которой, в свою очередь, было суждено впасть в Северный Ледовитый океан. При свете налобного фонарика я заполнял полевой дневник, тщательно фиксируя встреченные следы лосей, медведей и северных оленей, переписывая данные из маленького блокнота, который вместе с карандашом обычно лежал в нагрудном кармане штормовой куртки. И попутно делал замечания о происходящем – так, как я его понимал.

Обычная работа полевого зоолога.

На другой стороне реки, в топольнике, ревнул лось.

Этот негромкий, но могучий звук всегда пробирал меня до костей. Я представил себе это огромное несуразное существо с горбоносой мордой, болтающимся под горлом кожистым мешком – «серьгой», – длинными прядящими ушами и рогами полутораметрового размаха. Вот он стоит в сумраке среди деревьев, внюхиваясь и вслушиваясь в шелестящую тьму, и желание продолжения рода сводит ему брюхо. И наконец, растревоженный запахами подмороженной травы, палых листьев и ещё бог весть какими ароматами, доступными лишь его огромному, с человеческую голову трубчатому носу, он набирает в лёгкие воздуха и издаёт звук.

Звук этот в охотничьей литературе принято называть рёвом. Но это не рёв вовсе, а глухое и даже не очень громкое мычание. И лишь по каким-то полутонам, по гамме звуков, недоступной человеческому слуху, ты понимаешь, что это мычание издаёт очень большой зверь.

Я положил карандаш на бревно и прислушался. Но лось подал голос всего лишь однажды, видимо рассчитывая услышать будущую подругу или возможного соперника. Низкие тучи, затянувшие небо, не расходились, а эти звери в ясную погоду чувствуют себя гораздо увереннее, чем в пасмурную.

Немного подумав, я протянул руку за бревно и взял карабин. Отвёл назад затвор и достал патрон из магазина.

На первый взгляд дырка в черепе страдальца, что почил вечным сном в пятистах метрах от моего привала, была проделана именно такой штуковиной. В этом не было совершенно ничего удивительного, ибо практически всё нарезное оружие этих мест, не считая малокалиберных винтовок, сделано под патроны калибра 7,62. Как и мой самозарядный карабин Симонова.

Рядом с трупом я не видел ничего, что бы хоть отдалённо напоминало оружие. И странное дело: мне с самого начала показалось, что его и не было!

Конечно, оружие у человека могли и забрать. Но... Мне было трудно обосновать своё убеждение, но есть некоторые вещи, которые человек, с двенадцати лет постоянно стреляющий из всех видов огнестрельных трубок, чувствует кожей. Так вот, не было оружия у этого человека, хоть ты тресни!

О его наличии могли свидетельствовать и выкатившийся из кармана штанов или куртки патрон, и пояс, на котором мог бы висеть нож, да и тот же, но уже расстёгнутый, пояс, с которого ножны сняли. Но и пояса на трупе, по-моему, вообще не было... Или всё же был? В принципе, погибший человек был одет для этих мест уж очень пижонисто, ведь магазинов, в которых продавали бы такую одежду, не было в радиусе пяти тысяч километров – ни в Магадане, ни в Хабаровске, ни даже во Владивостоке, не говоря уж об Анадыре.

Другой вопрос. В этих краях я работал уже четыре года – описывал территории для проведения охотничьих экспедиций в интересах туристических компаний. А до этого больше двадцати лет занимался исследованиями в подобных местах. Люди здесь не исчезают просто так – об этом, по меньшей мере, становится известно. Так вот, среди бесконечных историй, как Сенька Глухарь пристукнул Сяву Лысого молотком или Федька Курилов проткнул отвёрткой Юрку Курощупа, я ни разу не слышал, что где-то в верховьях Вороньей реки пропал диковинно прикинутый московский турист. И вообще кто-нибудь пропал. А кто здесь из людей обитает, к слову?

Стойбище Дьячковых

Только вчера я гостил в стойбище у Коли Дьячкова. Трудно назвать стойбищем одну парусиновую палатку, купленную в совхозе больше пятнадцати лет назад, несколько стоек с вешалами для сушки мяса и маленький чум, служащий Коле складом. После развала совхоза Коля увёл из своей тринадцатой бригады пару сотен оленей, которые на сегодняшний день превратились в четыре с половиной сотни. Сам Коля, худенький мужичок лет под шестьдесят, жил в основном в стойбище, у реки, где заготавливал рыбу и охотился. Пасли оленей трое его сыновей и зять Фёдор. Женщины жили чуть на особицу, в отдельной палатке, которая стояла на обдуваемом ветром взгорке.

Коля Дьячков, сам того не зная, возобновил старую практику родовых поселений, которые были ликвидированы за годы советской власти. Сейчас на слиянии Андыливана и Вороньей реки уже проживало пятеро мужчин, семь женщин и шестеро детей. Причём все дети без исключения не имели никаких метрических свидетельств. Если у Коли и его потомков всё будет в порядке в течение ближайших тридцати лет, его стойбище станет полноценным ламутским родом – с десятком-полтора кормильцев и двадцатью-тридцатью женщинами и детьми. Мужчины в этих краях умирают вдвое чаще женщин. Оленей в хозяйстве рода будет прибывать, и к этому времени их количество достигнет тысячи. Но до этих довольно благополучных времён может случиться довольно много. Например, может случиться эпидемия копытки и без получаемых от ветеринаров антибиотиков всё стадо Дьячковых вымрет за одно лето. А может, само семейство зацепит какая-нибудь зараза и они сгинут в этих родных для них, но тем не менее не приспособленных для человеческой жизни местах. А вымрут они так же наверняка, как если бы кто скошил их из пулемёта. Потому что никаких средств связи с внешним миром у Дьячковых нету.

Когда я на своей оранжевой спасательной лодке подплывал к палатке Николая, он уже стоял на берегу. Ждал. Меня всегда поражало, как тундровые жители узнают о малейших изменениях в окрестностях. Немного разобравшись, понимаешь, что в этом нет ничего мистического – просто очень внимательный взгляд и отработанная система сигнализации. Плюс неутомимость и быстрые ноги. Так, мой костёр вверх по реке увидел зять Николай Фёдор ещё вчера вечером на склоне сопки, где Дьячковы пасли оленей. Он тут же отрядил к тестю самого молодого пастушка, который пробежал за два с половиной часа пятнадцать километров и сегодня уже успел вернуться в стадо. А Николай остался ожидать меня на реке, причём ждать меня он мог сколько угодно: времени у него было много.

– Привет, – он подошёл к кромке воды и поймал брошенную ему верёвку, которую ловко закрутил на вмытой в гальку коряге.

Я представился.

– Пошли чай пить. С утра на реке холодно, – Николай повёл меня в палатку, причём видно было, что он изо всех сил пытается не обогнать меня. Его странную, дёргающуюся манеру ходьбы выработали тундровые кочки и каменистые россыпи. И всё равно он мог передвигаться как минимум вдвое быстрее меня, даже под довольно тяжёлым грузом. Я который раз подумал, что тундровые пастухи оленей, наверное, лучшие ходоки в мире.

Чаепитие с северными аборигенами – это не восточная чайная церемония с её сдержанностью и ритуалом. Во время чаепития тебя расспрашивают жадно и с пристрастием, потому как ты – единственный источник информации, пришедший бог знает откуда, из мира, которого, может, и нету вовсе и все сведения о котором ограничиваются хриплым бормотанием купленного ещё в восьмидесятые годы двадцатого века приёмника ВЭФ. Тундровые жители тебе помогут, поделятся последним, проводят и расскажут, только ты должен с ними расплатиться – рассказать, что происходит в тех краях, которые они никогда не увидят.

Я – биолог-охотовед. Меня выбросили в верховья Вороньей реки вертолётom. Старатели летели на прииск «Куропаточный». Я попутный груз. Двести килограммов сверх нормы может взять любой вертолёт МИ-8. Я со своим снаряжением и есть эти двести килограммов. Путешествую один. Да, знаю, что плохо. Но если бы нас было двое, то было бы уже триста пятьдесят килограммов и ни в какой вертолёт нас бы уже не взяли.

В этот момент мы оба замолчали, отхлёбывая густой чёрный чай из железных эмалированных кружек. Китайская керамика сюда ещё не добралась. А жаль. Вкус чая в керамической кружке совершенно другой, нежели в железе. Я помню, старые оленеводы ещё возили с собой на кочёвках хрупкие фарфоровые чашки. Любимую чашку после смерти пастуха разбивали на его могиле. Это был настоящий ритуал. Сейчас он тоже исчез.

Что делаю? Считаю зверей.

– Делаешь заповедник? – Николай как-то жалостливо поглядел на меня из-за дымящейся кружки.

Нет, как раз не заповедник. Возможно, сюда приедут охотники. Охотники из других стран. Охотиться на лосей.

Охотники. Он помрачнел. Мимика монголоидов плохо читается европейцами – вот откуда идёт легенда об их невозмутимости. Однако ж они не менее, а то и более эмоциональны, чем мы, просто на их лицах мышцы двигаются чуть-чуть иначе. Говорят только глаза.

– Лосей немного. Совсем немного.

Ну ещё бы. Лосей можно добывать самим и питаться их мясом. Они – не «свои», в отличие от оленей. И конкуренты тут ни к чему. Мне придётся Николая переубедить.

Охотники будут добывать совсем немного лосей. Пять-шесть штук в год. Гораздо меньше, чем во времена госпромхоза, когда только на Вороньей реке их отстреливали по сто пятьдесят штук. Охотникам не нужно мясо – им нужны только рога. Мясо они оставят Николаю. Кроме того... Семья Николая ведь оформила эту землю в аренду?

Испуганный кивок.

Я знаю об этой аренде значительно больше, чем Николай Дьячков. Всё об этой аренде я выяснил в посёлке, который является райцентром. Заявка подана, но лежит без движения. И не потому, что некто злокозненный претендует на эти полмиллиона гектаров лесотундры, а просто лежит, и всё. В том числе и потому, что Николай Трофимович Дьячков не появлялся в посёлке уже полтора года и ничем не напоминал о своём существовании. Ну и, наверное, потому, что начальник отдела охотнадзора, лесничий, глава администрации – все ожидали от Дьяčkова «знаков внимания» в виде рыбы, мяса и соболей. Причём сам Николай Трофимович и был бы рад эти знаки внимания оказать, но вот не приходилось ему выбиратья в посёлок с таким грузом.

Я потихоньку начинаю рассказывать ему, что именно охотничья компания поможет ему закрепить за собой землю. Ну или, если он нам не доверяет, мы можем проследить, чтобы землю за ним закрепила ассоциация коренных народов.

Дело это, я знаю, гиблое. Председатель местной ассоциации Равтытагин, чукча по национальности, пальцем не пошевелит, чтобы помочь ламуту Дьячкову. Знает об этом и Дьячков. Кроме того, у Равтытагина сейчас своих дел невпроворот. В прошлом году он закрепил за своим родом узкую полосу прибрежной тундры, а в этом году именно этой полосой пошла нефтяная разведка. Равтытагин сразу надулся, как лягушка во время нереста, и принялся сутяжничать с нефтяниками за право на нефть под своей родовой тундрой. Если ему повезёт, то к концу следующего года Равтытагин станет богатым человеком, а его род – самым состоятельным на Чукотке.

Тут я предлагаю вывезти самого Николая Трофимовича в посёлок, ну, эдак на месяц, быстрее всё равно эти дела не сделаешь. А что нужно нам? Нам – всего лишь право раз в году поохотиться на рогатых лосей на его участке.

У берега что-то плеснуло. Крохотная сморщенная старушка в тёмно-синей «аляске» спустила на воду чёрную, сплошь в латках резиновую лодку-двухсотку. Ловко выгребла на середину речного залива и начала проверять ветхую сеть, выбирая из неё хариусов и вальков – местный вариант сига.

– Мокеевна, – кричит ей из открытой палатки Николай. – Тут парень приехал. Иди к нам чай пить!

Самое время чуть-чуть укрепить свои позиции. Я спускаюсь к своей лодке и достаю из выючной сумки две красивые керамические кружки – Николаю и Мокеевне. На кружках изображён хвойный лес, заснеженные холмы и головы ревущих лосей.

– Совсем как у нас, – растроганно говорит Николай.

– Да, очень похоже, – соглашаюсь я. – Это Аляска.

Теперь мне предстоит долго рассказывать об Аляске.

– Правда, что там все местные получают зарплату от правительства просто так? – в палатке появляется ещё один человек – низкорослый и тощий мужичок лет сорокапятидесяти с длинными, как у киношного индейца, волосами, широко расставленными на плоском лице раскосыми маленькими глазами, жиденькой бородкой и наполовину отсутствующим ухом. Одет он в такой же выцветший энцефалитный костюм и болотные сапоги-ботфорты, которым не меньше пяти лет. Фёдор Кобелев, зять Дьячкова.

Я пытаюсь объяснить ему смысл компенсации, выплачиваемой нефтяниками индейским племенам за добычу и транспортировку нефти по их территории. Фёдор слушает внимательно и в конце приходит к замечательному в своей простоте выводу:

– Во, им даже оленей пасти не надо!

Я деликатно замечаю, что американские аборигены в большинстве своём оленей и не пасли. Был, правда, поставлен эксперимент Шелдона Джексона, под влиянием, кстати, русского опыта, но он ничем не закончился. Но эксперимент доктора Джексона не интересует Фёдора, ему просто нравится, что не надо пасти оленей.

Кое-что про Фёдора я знаю. Он долго жил в ближайшем райцентре, Бубенино, работал, а точнее числился, при кочегарке. Не знаю, что побудило Светку Дьячкову, дочь Николая Трофимовича, остановить свой выбор на этом постоянно расхлябанном мужичке, вернее не знаю, но догадываюсь: не прерванная вовремя беременность, – но она вышла за него замуж, утатила от посёлка и собутыльников, и здесь он помогает пасти оленей. Как принято говорить в наших местах, «пошёл в стадо».

Но Фёдору не нравится в стаде, и он всей душой там, в подвале кочегарки, где есть брага, пиво и водка в дни зарплаты. Сбежит он, наверное, отсюда.

Мокеевна растапливает печку. Печка сделана из разрубленной поперёк бочки из-под горячего и вкопана в грунт так, чтобы земля являлась недостающим дном. В боку прорублено отверстие, дверца привешена на проволочках. Очень старательно, тщательно выполненное изделие, свидетельство аккуратной нищеты.

В алюминиевой кастрюле – варёное мясо. Едят практически только его, запивая чаем с огромным количеством сахара. На аккуратно сколоченный из фанерного сигаретного ящика стол выкладываются сделанные на соде лепёшки – по одной на человека. Понятно, муки здесь в обрез. Я снова спускаюсь к лодке. Достаю несколько банок сгущённого молока, банку джема, выгребая из пластикового контейнера печенье. Сперва оставляю себе половину, потом насыпаю печенье обратно в контейнер, добавляю туда конфет и прямо так несусь к палатке. Ерунда. Я свои три недели в тайге отработаю и на одном мясе, тем более что здесь

его неограниченно. Вообще, когда встречаешься с кочующими по Чукотке аборигенами и видишь, как они живут, хочется отдать им всё, что имеешь.

Но сейчас я вынужден быть «хитрым белым торговцем».

Воланд в «Мастере и Маргарите» говорил, что людей испортил квартирный вопрос. Это не совсем так. Людей во все времена портил вопрос земельный. Вот и в новой России земельный вопрос – один из самых главных. Он присутствует везде, просто о нём не принято много говорить. Так, например, охотничьим компаниям, чьи интересы я сегодня представляю, совершенно не с руки содержать сотни тысяч квадратных километров территорий, выплачивая за это государству налоги. Гораздо проще поспособствовать тому, чтобы эти земли совершенно бесплатно арендовали местные аборигены вроде Николая. А потом уже с этими аборигенами заключать договоры. На гораздо более щадящих условиях.

Собственно говоря, в результате получается очень непривычная ситуация, когда относительно неплохо обеим договаривающимся сторонам. Охотничья компания получает возможность охотиться на территориях того или иного рода по лимитам на отстрел животных, выдаваемым этим аборигенам. Местный же житель получает возможность заработать кое-какие деньги и, что важнее всего, более или менее регулярную связь с внешним миром, поскольку раз шесть-семь в год к нему будет гарантированно прилетать вертолёт, а после отъезда охотников остаётся много весьма полезных для хозяйства вещей. Кроме того, это – доставка продуктов и прочих необходимых вещей. И уж новые печки я сюда завезу в первую очередь.

Большая шестиместная палатка пошита из парусины – когда-то оливковой, а сейчас выцветшей добела. Она натянута на бревенчатый сруб, отчего возле стенки можно стоять в полный рост, только чуть согнувшись. Это мне, а низкорослые ламуты стоят в рост свободно. Двускатная крыша сбита из тонких листовенничных жердей, приколоченных вплотную друг к другу. Из тех же жердей сбиты нары, на которых мы сидим. Такой жердняк называется здесь в обиходе «ламутскими досками».

В углу стоит потрёпанный жизнью СКС – такой же, как у меня. Ну может, чуть более потрёпанный. Ложе в районе цевья стянуто проволокой. Наверное, в хозяйстве нет эпоксидной смолы. Мушка «подставлена» деревяшкой – для удобства стрельбы навскидку. Почему-то так делают все аборигены – от эвенков до удэгейцев. Две иконы, очень старенькие. Ламуты православные, в отличие от чукчей. Поэтому у них часто встречаются не совсем обычные имена и, соответственно, отчества. Вот и здесь – Мокеевна.

Вообще с самоназванием у этого народца получилось забавно: сами себя они когда-то называли эвенами-орочонами, а ламутами прозвали их пришлые русские колонизаторы. Так продолжалось триста лет, и когда наконец советская власть в своей неизъяснимой милости вернула аборигенам их самоназвание, те упрямо продолжали сами себя звать ламутами...

На столе – три миски с варёным мясом, нож у каждого свой, ложки. Мясо отрезают маленькими кусочками, накалывают на кончик ножа и так едят. Что-то ещё лежит на столе... Что?

Самодельный хлеб. Его печёт или Мокеевна, или кто-то из женщин помоложе, – хлебная печка, сделанная из вкопанной в бревенчатый сруб бочки для бензина, стоит над рекой, на самом юру.

Солёный и высушенный до деревянного состояния хариус. Здесь верховья реки и рыбы совсем немного.

Стеклянная банка, наполовину наполненная сахаром.

И это – всё. Скучный стол обитателей чукотской лесотундры.

Я опасаясь обещать много. Вообще-то тундрового человека очень легко зажечь любыми, иногда даже очень малореальными посулами. Но если хоть один процент из этих

обещаний не оправдается, что, впрочем, случается сплошь и рядом, то тундровый человек из восторженного приятеля мгновенно обратится в замкнутого недоброжелателя. Мне же в лице Дьякова нужен союзник. А союзники не обретаются кавалерийским наскоком – их завоёвывают долго и кропотливо.

Только вот при этом не стоит забывать, что при угрозе, реальной или воображаемой, своим землям, оленям или рыбным уловам сам Дьяков и его сыновья, да, наверное, и большая часть женщин рода без колебаний могут убить человека.

Снег на реке

Я подкладываю в костёр дрова. Застреленный бедолага – в полукилометре вверх по течению, на полпути между избушкой охотника Чохова и стойбищем Дьячкова. Ниже по реке стоит метеостанция «Куранай», там живут две семьи. Вроде бы живут. Нет у меня в этом такой уверенности. И ещё один охотник, Салькин, – в самых низовьях. А через семьдесят километров – посёлок Бычье Куילו.

Выпиваю последнюю кружку чая и лезу в спальный мешок.

Ночью по тенту палатки шуршит снежная крупа.

Просыпаюсь я уже в другом мире. Чёрная река течёт среди белых берегов. Снег перестал идти, но вода у берегов в местах, где нет течения, схвачена тонким ледком. Разжигаю костёр и кипячу воду в чайнике. Затем собираю вещи, несу перевёрнутую резиновую лодку к воде. Замёрзшая вода хрустит во впадинах её ребристого, как надувной матрас, днища. Всё, осень кончилась, начинается предзимье. Сталкиваю лодку, загружаю её на мелководье, сажусь на корму и, выгребая по чёрной воде, скольжу мимо белых берегов, погружённых в воду деревьев и длинных ветвей, обмёрзших самыми замысловатыми сосульками. Природа включила свой счётчик до полного замерзания реки. Как там говорил геноссе Иоханссон геноссе Нансену? «Вы должны поторопиться, если не хотите опоздать».

Охотник Чохов

Как ни странно, базу охотника Чохова напротив впадения Даранчана, в обиходе «Даранчан», я замечаю метров за триста, едва выплыв из-за поворота. Здоровенная хоромина, как водится для охотничьих баз, которые создавались десятилетиями, – сборная конструкция из трёх, нет, даже четырёх построек. Первая из них, вросшая в землю избушка из девяти венцов, – самая первая промысловая избушка на Вороньей реке. Её построил бывший сотрудник метеостанции «Куранай» Игорь Чепурной, когда, забросив гидрологию, переквалифицировался в промысловики. Соболь здесь, в верховьях, шёл в капканы неплохо, и Игорь, проохотившись пять или шесть сезонов, после какого-то особо внушительного фарта уехал на «материк», прикупив домик в Сочи. После него участок пару лет стоял заброшенным, пока его не попытался освоить ещё один молодой выходец с того же Кураная – Витя Ерёмин. Ерёмин пытался жить здесь с семьёй, а потому подошёл к делу гораздо основательнее и построил вплотную к первой избе вторую – настоящую пятистенку с каменной печкой. В этом доме семья Ерёминых прожила чуть меньше года, после чего сперва отсюда съехала на каком-то куранайском вертолёте жена, а следом за ней – и сам Витька. Ну не приспособлены эти места для европейских женщин, ничего не поделаешь.

В общем, Ерёмины уехали, а дом – остался. И сейчас он был главным жилищем любого человека, кто по праву пришельца и по договорённости с администрацией Бычьего Куйла занимал охотничий участок в тридцати километрах выше Кураная. Массивный блокгауз без окон, служивший складом, построил предыдущий обитатель базы Федька Устюгов – единственный, кто остался здесь навсегда. Попал в налечь, замёрз, и его тело вынесло весной прямо на гидрост Кураная.

Последнее сооружение – гараж для снегохода – сгородил уже нынешний хозяин Даранчана, Сергей Чохов. В отличие от предыдущих промысловиков – пришельцев с Кураная – он приехал в Бычье Куйло из Хихичана, где появился тоже недавно. Был он выходцем с юга России, невысоким, жилистым, будто свитым из проволоки, ироничным и работающим мужиком. Я уже пообщался с ним в Хихичане, поэтому здесь мне только предстояло закрепить договорённость и понять, как обстоят дела в действительности.

По берегу бегут две собаки. Хозяин выходить не торопится, хотя знает, что по реке плывёт человек: на зверя собаки лают совершенно иначе. Я уже разворачиваю лодку несколькими ударами весла, хрупкие, подтаявшие за день забереги ломаются, когда дверь дома открывается и Сергей выходит навстречу. Собак отгоняет скорее для проформы: здесь лайки не приучены плохо относиться к людям. Обгавкать – это запросто, а вот покусать – ни-ни.

– Ночевать здесь будешь?

– Наверное.

– Ну как, много лосей насчитал?

Мы уже сидим в доме и пьём чай. В доме совсем свежо, этим он отличается от подавляющего большинства жилищ охотников. Обычно по осени в них царит затхлость, потому что в течение всего лета они стоят наглухо закупоренные и не проветриваются. Естественно: летом охоты никакой, хозяин обычно в посёлке, окна (и без того небольшие – обычно в два бревна) забираются ставнями из плах «от медведя». Сами ставни лежали на одной из поленниц, уставив в блёкло-синее небо ржавые шипы пробитых насквозь гвоздей, – именно таким ежом они должны встречать когтистую медвежью лапу, когда тому придёт в голову проверить окна избушки на прочность.

Ставни, судя по насыпанным на них иголкам, лежали на поленнице очень долго, и я подумал: а что делал Сергей летом в тайге, когда нет ни охоты, ни рыбалки? Впрочем, он, может быть, просто любит одиночество.

Сергей разговаривает со мной, как торгуется.

Оно и понятно. За моим появлением могут прийти деньги – вполне достаточные для того, чтобы лет через пять бросить тайгу и прикупить какое-нибудь жильё в Европейской России – типовую мечту всех российских охотников, пришедших «на севера» за заработком. Другое дело, что реализуется эта мечта добро бы у одного человека из сотни.

– Обработал «чуков» наверху? – понимающе щурится он. Ты, дескать, не втирай мне очки про дружбу народов, «чуки» эти для того и созданы, чтобы ловкий человек мог их обирать. Тем более они за это обирание и обиды не держат.

– Они вроде ламутами себя называют, – я показываю, что не собираюсь поддерживать иронически-пренебрежительный тон в отношении аборигенов. Сам я имею право думать про них всё что угодно, но вот обсуждать это я ни с кем не хочу.

С Сергеем я разговариваю иначе, чем с Дьячковыми. Тех я уговаривал, с этим – торгуюсь. «Дёшево купи, дорого продай».

Самое в этом интересное – что, как часто бывает, уговаривая, можно получить гораздо больше, чем за деньги. Притом что от Чохова мне нужна эпизодическая и не вполне обязательная помощь, а от Дьяковых – постоянное содействие. Чохов же видит себя равноправным партнёром, а потому ежесекундно соображает, как тебя надуть, и представляет себе вертолёт, полностью забитые долларами и их обладателями – да-да, именно в такой последовательности. В его мечтах обладатели этих долларов, познакомившись с ним, Сергеем Чоховым, сразу убеждаются в полной профессиональной непригодности нас, приезжих горожан, немедленно отправляют нас пешком в посёлок и вместе с ним предаются всем радостям Великой Северной Охоты. Ну и, естественно, отдают именно ему, Сергею Чохову, все свои доллары.

В общем, как говорится, в голове у Чохова – планов громадье. Ну то есть ему кажется, что их там много, но основной план при этом у него всего один – как можно меньше работая, получить как можно больше денег и уехать из этих краёв обратно на Кубань. Толковый план, что и говорить. И у многих получалось. Только вот если он на ком и заработает, то это точно буду не я. Но Чохову знать об этом пока незачем.

Разговор постепенно съезжает на медведей. Медведи в этих краях – такая же тема, как для английских джентльменов погода в Лондоне, то есть совершенно нейтральная и в то же время касающаяся каждого здешнего обитателя. «Скажите, сэр, сегодня туман, кажется, можно просто резать ножом, не правда ли? Да что вы говорите, сэр, на прошлой неделе мой дворецкий отламывал от него ломти и подавал вместе с портвейном к завтраку...»

– Здоровый у тебя зверь лазает наверху, – хмыкаю я. – Килограммов на 400, не меньше. Когда прибьёшь?

Чохов снова хитро щурится:

– Мне его прибивать незачем. Шкур этих и так девать некуда. Покупателей на них нет. А он у меня там территорию держит, других медведей не пускает – мелких и пакостных. Хозяин! Ну, если твои иностранцы прилетят, я его, так и быть, дам стрелнуть. Тыщ за пять баксов.

Я киваю. Давно заметил, что у людей, живущих на отшибе и в изоляции, в голове начинают крутиться какие-то совершенно несуразные цены. Вот и сейчас я услышал ещё одну такую.

– Ну ты там поторопись со своими охотниками, – вдруг доверительно говорит Сергей. – Может быть, все эти твои планы накроются в ближайшее время. Сделают здесь заповедник, и не будет нам никакой охоты. Ни тебе, ни мне. А на севере вообще – нефть ищут.

Нефть. Надежда и проклятие Севера. Несколько десятков человек становятся миллионерами, остальные – теряют всё.

– А что, есть такие планы – про заповедник? Нефть-то отсюда далеко, – равнодушно бросаю я. – Что-то я не слыхал ни про какие заповедники в этих краях. Да и вообще, от плана учредить заповедник до самого учреждения десятки лет проходят. Это я как специалист утверждаю.

– Ну ты как хочешь. В прошлом году здесь проходил парень из экспедиции. Так вот он как раз про заповедник мне и говорил.

– Да? – невинно интересуюсь я. – Проезжал или проходил?

– Ну если он и проезжал, то точно не на лодке. Здесь он был пешком, и у меня впечатление, что он вообще пёхом брёл.

– То есть экспедиция какая-то работала, – заключаю я.

Значит, брёл пешком. Держу пари, что в куртке Patagonia и брюках Columbia.

В любом случае у них база какая-то должна была быть. Много здесь пешком не находишь.

– Хрен его знает, – хмыкнул Чохов. – Мне он вообще-то не совсем нормальным показался. Такой может и пешком ходить. Но вообще-то он говорил, что его ребята у озера Нутыниль ждут.

– Нутыниль, – я ещё только прикидываю, а Чохов всё посчитал давно. Здесь долгими зимними вечерами больше нечего делать, как строить планы мирового господства или обдумывать действия встреченных в недалёком прошлом людей. Это если на планы мирового господства фантазии не хватает. – До него километров сто восемьдесят...

– Бабу бы сюда какую заполучить, – фыркает Чохов. – Это мне экспедиция напомнила.

– Размечтался. В экспедиции они страшные все.

– Отмыть – сойдут. В общем, дотрюхать до Нутыниля по тундре можно за десять дней – легко.

– Легко, – соглашаюсь я. – Даже если какая-нибудь ерунда по дороге случится. Вроде снегопада или дождя проливного. Только харчей на такой поход надо немерено. А оружие у него какое было?

– Да в том-то и дело, что не заметил я у него никакого оружия. Он его в природе напрочь не признавал. Говорил, что любое оружие от «сотоны».

– Ага. Значит, «зелёный». Тогда у него должны были быть большие проблемы с весом мешка.

– Скорее с объёмом: рюкзак огромный был. И мяса он не жрал ни фуя, – продолжал вспоминать Чохов, – заваривал какие-то извращённые опилки с изюмом. В кипятке. И сгущённым молоком разводил. Одно слово – извращенец.

Именно так. В этих краях вегетарианец попутно получает репутацию наркомана и гомосексуалиста. Опилки с изюмом – это, скорее всего, мюсли. Есть такая пищевая стратегия у некоторых туристов.

– Здесь, у тебя, он долго находился?

– Да как – долго, – смеётся Чохов, – ночь переночевал и в дорогу. Говорю же, ждали его.

– А про тебя он как, знал заранее или случайно вышел?

– Ну наверное, и то и другое. Базу с террасы хорошо видать.

Интересно, что как бы хорошо ни было построено здесь жильё, его почему-то никогда не называют домом. Или «база», или «изба».

– А в Куйле ты его не видел?

– Нет, – Чохов нахмуривается и ещё раз, уже увереннее, повторяет: – Нет. Сам он москвич или ещё откуда. Не встречал?

– Надо бы поузнавать, – я подытоживаю свой интерес. – Что-то мне не очень нравится идея с заповедником.

Чохов понимающе кивает:

– Ты на них ламутов натрави. Если с ними дружишь, конечно. Им заповедник вообще всю жизнь схлопнет. Нам-то что – сел в самолёт и улетел куда подальше.

Наутро я загружаю лодку и снова иду вниз по чёрной реке, зажатой белыми берегами. Похоже, надо спешить: зима подкрадывается незаметно, а приходит вдруг.

Сегодня у меня кусок с не очень сложным течением. Поворот, пережат, поворот. Плыви, оглядывайся, выходи в нужных местах, читай следы. И думай.

Шёл пешком. С одной стороны, почти невероятно. С другой – почему бы и нет. Вся геологическая съёмка на этой территории сделана именно пешком. Но при геологической съёмке исследователь обычно делал кольцевые маршруты: имелась база, где стояли лошади, трактор или вездеход, туда приносились все образцы, которые потом на этом же тракторе или вездеходе вывозились в цивилизацию и обрабатывались. Ну а если не надо тащить на себе тонны этих самых образцов? Самые простые землеописательные работы так и проводились. Вот как у меня, например: вышел, посчитал следы, прикинул количество зверя, записал и дальше. Всех материалов – записная книжка и фотоаппарат. А была ли у того записная книжка?

И рюкзак. Огромный, как сказал Чохов.

Прямо по курсу лениво хлюпала на быстром течении тополёвая жлыга, покрытая сосульками. Я двумя ударами весла направил лодку в сторону, оставаясь на течении.

Не было у него рюкзака. Хотя я и не прикоснулся к телу, но обошёл все кусты в радиусе метров двухсот. И искал я именно рюкзак или остатки табора. И оружия не было. Стало быть, первое впечатление меня не обмануло. Этот человек путешествовал здесь в одиночку и без оружия.

И тем не менее кто-то убил его у подножия Чайвынейского хребта в верхнем течении Вороньей реки выстрелом в висок.

Заповедник?

Будучи типичным рейдером, занимающимся охотничьими угодьями, я привык знать о местах, которыми приходится заниматься, всё и чуть больше этого всего.

И ни про какой заповедник, который планируется в этих местах, я никогда не слышал.

Метеостанция «Куранай»

Метеостанции советского Севера составляли самую мощную разветвлённую наблюдательную погодную сеть, какую только могло позволить себе государство в эпоху своего наибольшего могущества.

Однако после 1991 года большая их часть была закрыта. Особенно досталось тем, которые располагались в самых удалённых районах и, соответственно, предполагали авиационное и очень дорогое снабжение. Повезло только тем, которые попали в Международный реестр метеостанций и оказались под защитой международных соглашений.

Так повезло и метеостанции Куранае.

Вообще-то на метеостанции положено быть четырём сотрудникам, но, как это бывало сплошь и рядом, обходились вдвое меньшим количеством.

Но не нынче на Куранае. Начальника метеостанции Витьку Козинцева я знал довольно давно. Собственно, именно он мне и дал наводку на эти места – как уникальные территории для северных сафари. И он же сообщил мне, что какими-то правдами и неправдами выбил себе через Главное управление метеослужбы двух стажёров, так что его каторжное служение капризному богу погоды должно было значительно облегчиться.

Метеостанция располагалась в километре от берега: существовали специальные правила, регламентирующие их положение на поверхности Земли, и эти правила отнюдь не предполагали максимального удобства для их обитателей. Место должно было быть по возможности открыто всем окрестным ветрам, и в наибольшей степени ему соответствовало выражение «живописное, но негостеприимное».

Пристань на метеостанции можно было угадать по россыпи бочек из-под горючего, рассыпанных по верхнему краю обрыва. Насколько я знал, у Козинцева была лодка с мотором, на которой он ездил в Бычье Куйло в пору «большой воды», что стояла на реке с момента ледохода до середины июня. Лодка моя мотора не имела, и пристань мне была ни к чему, а потому я причалил на первой косе ниже пристани, разгрузил лодку, вытащил её на берег, спрятал в ближайших кустах карабин и вышел на разъезженную тракторную дорогу. Небо голубело тем странным осенним оттенком, который будто бы стремится к серому, но не переходит в него до конца, а так и остаётся цветом неопределённости и холодного ветра. Я поднялся на высокую террасу, заросшую жёлтыми кочками, которые были похожи на отрубленные головы викингов.

Ветер шевелил сухую осоку, просыпая между её стеблей сухую снежную крупу. Жирная чёрная колея разваливала пополам эту грустную соломенно-белую равнину, а прямо в окончании этого развала высился мощный рубленый дом с несколькими антеннами, флюгерами и белыми стоящими на высоких «ногах» будками.

Метеостанция.

Хозяйство со стороны выглядело гораздо более упорядоченным, нежели база Чохова, не говоря уже о совершенно нищенском лагере Дьячкова. Может быть, причиной этому были гораздо более формальные, почти уставные требования, которым подчинялась жизнь на «метео», может, ещё что. Но это качество отличало все известные мне метеостанции на нашем Севере.

Я часто задумывался, почему народ никогда не задерживался на Куранае более трёх лет. Вроде бы и место это выглядело идеальным с точки зрения человека, любившего природу, и уединение, и всякие прочие приятности, связанные с этим. Воронья река с этого места была относительно судоходна, то есть человек не чувствовал себя словно заключённый в своём метеорологическом капище. Да и само пребывание давало активному человеку возможность освоить территорию вокруг места своего поселения километров на двадцать

безо всякой техники вообще. Собственно, этот радиус обычно и определял размер промыслового охотничьего участка на Севере. Про исключительное богатство Вороньей реки звел я, кажется, уже говорил. На склонах сопок неплохо ловился соболь, в ямах нижнего течения стояло немало рыбы, государство брало на себя обеспечение работников кое-каким транспортом и продуктами. Поэтому сам бог велел коллективу станции в поте лица своего заниматься промыслом, четыре раза в сутки отвлекаясь на не очень обременительные метеорологические обязанности.

Собственно, так и происходило на большинстве метеостанций сибирского Севера. Но, судя по всему, на Куранае была не очень хорошая «карма места».

Витя вышел меня встречать в одиночку. Как ни странно, на станции оставался только он и его напарник Миша Барсуков. Никаких стажёров даже по углам не проглядывалось.

– Стажёры! Ха! – рассмеялся Витька. – Приехали два жадных студента, которые от деревенских родителей наслушались, что на северах можно дико разбогатеть. Рыба из реки сама выскакивает, сама себя потрошит, солится и утрамбовывается в бочки, чукчи песцов и соболей в выделанном виде приносят на крыльцо и говорят: «Не обижай, прими на память, Большой Начальник», а самому только и остаётся, что золото лопатой в банки нагребать.

– Брось брехать-то, – хмыкнул Барсуков. – Ты этих стажёров и не видал. В общем, слушай меня. Приехали два парня, расфуфыренные, в туфлях, откормленные ряхи украинского типа. То ли им не объяснили толком, куда направляют, то ли они сами с собой во время распределения разговаривали и объяснение промухали – я так за две недели и не понял. Витька был в этот месяц в Куйле, продуктами на зиму занимался. А тут – садится вертак, и оттуда два таких красивеньких с чемоданами моды послевоенной, как в кино показывают, года так пятидесятого. Потом вертак улетает, а они спрашивают, где здесь посёлок и магазин. Я им полдня объяснял, что никакого посёлка здесь нету, – они не верили, думали, что разыгрывают. А про посёлок им, видимо, в Магадане наплели, чтобы сюда отправить. Решили, что если уж они на Кураной попадут, то до весны отсюда не выберутся.

– Только очень ошибались они в управлении, – подхватил Витька. – Едва вертолёт со мной сел на площадку, я вижу – мимо меня что-то серым вихрем пронеслось и за дополнительный бак в фюзеляже спряталось. Я думал – опять ламуты подкочевали и кто-нибудь из молодых на пьянку в посёлок полетел. Вертолёт взлетает, дверь станции распахивается, и стоит Мишка с двумя их чемоданами – они хитрые, чемоданы пустые специально на видном месте оставили, а шмотки в мешки посовали, мешки в руки, в вертак – и ходу! У меня даже их трудовые книжки до сих пор в сейфе!

За чаем в общей комнате мы снова разговаривали об осени, облагевших медведях и каком-никаком будущем. Привезённую мной водку решили чуть побережечь – часа два – до «после вахты».

– И что ты здесь будешь делать? – наконец спросил меня Витька. – С Чоховым пообщался? Как он тебе?

– Конкретно Чохов мне не понравился, – признался я. – Я вот решил вступить в преступный сговор с Дьячковыми: они когда-то подали заявку на всё верхнее течение Вороньей реки. Полмиллиона гектаров. Где-нибудь на Западе у любого бюрократа при виде такой заявки случился бы сердечный приступ. А здесь – вполне так себе средненькая заявочка, имеющая под собой железобетонное основание.

– Мда, – Витька внимательно заглянул в кружку, словно ожидая, что вместо заварки там окажется программа телепередач. – «Индийские территории». Защита прав малочисленных народов Севера. Хочешь сыграть в эту игру?

– С моей точки зрения, она выглядит совершенно беспроегрышной. Надо только соблюдать несколько условий.

– Мда, – снова протянул Витька. – Что бы вам ни говорили, вам не говорят всей правды. И о чём бы вам ни говорили, вам говорят о деньгах.

В данном случае – о землях.

– Угу. Стало быть, ты будешь помогать московским барыгам прибрать местную территорию посредством сговора с нищими аборигенами. Которые сами по себе сохранить ничего не могут, но имеют приоритетные права на землепользование. Бедолаги ведь не представляют себе, какие щупальца они сюда затягивают.

– Не барыгам, а предпринимателям, – наставительно сказал я. – Кроме того, союз с московскими барыгами, как ты их называешь, даёт аборигенам хоть какой-то шанс вернуть и сохранить свои территории. Местные русские, будь их воля, их бы просто постреляли.

– Да, местные русские не любят местных местных. А какой твой личный интерес в этом всём?

Я пожал плечами.

– Зарплата. Возможность посмотреть хорошие места, описать их. Бродить по местам, куда, возможно, многие десятки лет не ступала нога человека. Я бродяга. Пришёл-ушёл. Мне это нравится.

– Угу. Хорошо хоть не сказал «никогда не ступала нога человека». Я, признаться, думал, что ты здесь застолбишь какой-то свой участок, такой «маленький свечной заводик». А на самом деле ты приведёшь сюда москвичей.

– Не думаю, что они будут здесь сильно досаждают, – усмехнулся я. – Представления о сафари у граждан почему-то или чересчур идеалистические, или негативные. Раз в год здесь будут появляться люди. На всей этой реке они будут отстреливать десять-пятнадцать сохатых. Что это для реки? Примерно треть от лимита, который возможно отстреливать без ущерба для природы. Что это для вас? Возможность подзаработать в качестве егерей неплохие деньги. Плюс дополнительный канал снабжения. Четыре-шесть рейсов за осень. Это довольно много, поверь.

– Угу, – снова проговорил Витька. – Да, не так мало. Ну и пастись они будут, естественно, здесь.

– Есть варианты, – продолжил я. – Здесь хорошие условия, дом опять же. Можно поставить стационарный палаточный кемпинг на участке Фёдора Дьячкова – на устье Имлювеема. Там хорошее место, обзористое.

Витька никак не прореагировал.

– Нет, почему же. Можно здесь. А сколько будет стоить это размещение?

Мы проговорили о деньгах, охоте, оружии, патронах, аборигенах, лосях, снова о деньгах, медведях, вертолётах, лодках, моторах, собаках и женщинах. Уже перед самым сном я как бы невзначай спросил Витьку:

– Слышь, а ты про заповедник здесь ничего не слышал?

– Нет. А что, должен быть? Это поруха твоим планам: вся охота накроется. Да и нашим тоже.

– Ну... – протянул я как можно более многозначительно, словно старый еврей, в кухне на Моховой рассказывающий молодому про общество «Память». – Есть сведения.

– Нет, в управлении ничего такого не говорили. Нефть ищут, это да. Но у чукчей, на побережье. А здесь... Я б в любом случае что-нибудь да знал.

– Да. Наверное, да.

Конечно, первое место, откуда любые исследователи будут пытаться найти сведения об интересующей их территории, – метеостанция.

– И экспедиция никакая не проходила?

Тут уже Козинцев посмотрел на меня с интересом.

– Откуда ты знаешь про экспедицию?

– Чохов рассказывал.

– Интересная тогда эта экспедиция была, – потянулся Витька. – Ведь кроме Чохова никто о ней ничего толком не знает. Не знает о ней Дьячков. А ведь должен был. Не знает Салькин. Ну, он в лесу живёт, его могли пропустить. Сам знаешь, те базы, которые стоят в хорошей тайге, просто так найти невозможно. Но ведь про «метео» эта экспедиция должна была знать точно. Однако у нас никто не появлялся.

– Может, они только в верховьях и работали?

– А может, это всё Чохов выдумал, от нехрен делать? – отпаривал Витька. – Здесь часто люди от нехрен делать всякую ерунду сочиняют. Довольно замысловатую причём. Вот бывший напарник Салькина Лёва Жуков на полном серьёзе говорил, что он бывший полковник ГРУ и живёт здесь по спецзаданию. Кто здесь долго в одиночестве остаётся, у того часто крыша едет.

Я едва не ляпнул, что продукт выдумок Сергея Чохова до сих пор лежит с простреленной головой в устье того самого Имлюеема, но вовремя прикусил язык.

На метеостанции я задержался на день. Нужно было немного подлатать лодку, усилить некоторые протёртые на перекатах места, сделать себе новое байдарочное весло, кое-что выбросить, наточить топор и пилу и сделать ещё два десятка таких же необходимых на кочевье дел. Ну и расспросить Козинцева о лосях, медведях и возможной охоте на них в этих краях.

На крыше сарая лежал череп с огромными лосиными рогами. Я снял их оттуда, измерил и присвистнул: их размах был сто семьдесят девять сантиметров. Рога уже несколько лет отбеливались дождём, снегом и ветром, поэтому потеряли свою замечательную красно-коричневую окраску. Я растёр в плошке ольховой коры и постарался вернуть им изначальный оттенок. Очень понравилось. Потом почти силой заставил Козинцева взять карабин и несколько раз сфотографировал его рядом с рогами. В конце концов, именно он добыл этого лося три года назад в верховьях Анамантана. Так что «подставы» здесь не было никакой. Ну, в принципе, *почти никакой*.

– Ты, это, учти, такого лося я за три года один раз добыл, потому и череп оставил. На память, – наставительно проговорил Козинцев.

– Заботливый ты мой, – хмыкнул я в ответ. – Мне же всё равно не поверят. Трофейная охота на самых крупных зверей на этом и основана: однажды повезло ему, авось сейчас – мне. За это и деньги платят. Когда говорят, что организаторы охоты обманывают клиента, неправда всё это. Клиенты сами себя обманывают.

– Ну ладно. Я-то пока ни одного живого клиента не повидал. Тебе мяса в дорогу дать?

– Ну, кил десять, может быть. Сейчас холодно, не испортится.

– Больше не возьмёшь? Домой бы привёз. Полсохатого.

– Да я ниже и целого сохатого убью. Просто сейчас всё это переть по перекатам неохота.

– Ну как хочешь.

Я загрузил лодку, и снова река понесла меня под гористыми, поросшими шипами лиственниц берегами.

Всё чаще и чаще я наблюдал, как небо вместо голубого становилось серо-свинцовым. Тучи материализовывались прямо из самого небосвода. И они не приходили откуда-то из снежных и морозных краёв, с берега Ледовитого океана или Берингова моря, а возникали прямо здесь, у меня над головой. Утро, как правило, начиналось с блёклого солнечного света, на протяжении всего дня тускнеющего так, будто бы некто великий не спеша прикручивал ручку небесного реостата. Одновременно с этим небо темнело на горизонте, и уже часов в пять вечера граница мира, какой я её наблюдал, выглядела ослепительно белой линией заснеженных гор, мягко обрисованных свинцовым окоёмом небосвода.

Нужно было торопиться, если я не хотел вмёрзнуть в лёд.

Река

Мир засыпал. Мир был стар и поэтому засыпал со скрипом, потрескиванием и даже гулкими ударами, которые говорили о том, что в лесу упало какое-то дерево или обрушился подмытый кусок берега. По моим подсчётам, до начала ледостава оставалось дней десять, и я всё живее и живее подгребал на перекатах.

Надо сказать, я давно заметил, что перед какими-либо глобальными переменами в природе, например ледоставом или массовым сходом снега, животные начинают перемещаться. Это могут быть не гигантские кочёвки, как у перелётных птиц или у северных оленей. Сохатые, например, могут просто в большинстве своём поменять одни места обитания на другие, причём вторые от первых будут находиться в нескольких сотнях метров. Но в целом это небольшое перемещение выглядит как всеобщее оживление: следы начинают попадаться на открытых местах, да и сами зверушки нет-нет да и дадут себя увидеть. Поэтому я не очень удивился, когда, выскочив из-за поворота, увидел переходящую вброд через перекат лосиную семью: самку, прошлогоднего, килограммов на двести, лосёнка и главу семьи – огромного сохатого, не меньше чем на семьсот килограммов живого веса и с прекрасными широкими лопатообразными рогами. Увидев странное существо, машущее по обеим сторонам блестящими пластинами, самка с телком удрала в ивняк, а бык остался.

Он встал прямо посередине реки, на перекате, глядя на меня исподлобья тёмными выпуклыми глазами. То ли вёсла напомнили ему рога соперников, то ли ещё какой-то непонятный человеку проводок перемкнул в крохотном, размером в два кулака, мозгу гиганта, но убежать он не собирался. Вот так сразу, по крайней мере.

Я вытащил из герметичного контейнера фотоаппарат и начал снимать. Но течение меня сносило прямо на лося, и я не скажу, что это мне очень нравилось. Я положил аппарат обратно в контейнер и принялся выгребать к тому берегу, который находился, с моей точки зрения, подальше от проклятой скотины, одновременно пододвинув к себе «аргумент» калибра 7,62, который вполне мог оказаться решающим в нашем столкновении.

Однако сохатый не стронулся с места. Он так и стоял, по брюхо в воде, чёрный и корявый, словно выворотень, и сильное течение вспенивало буруны у его груди. Когда я исчезал за поворотом, он так и продолжал стоять там, неспешно ворочая головой, увенчанной короной весом в полцентнера.

«Почему-то так никогда не везёт, когда ты с клиентами», – подумал я.

Теперь передо мной стояла одна из самых сложных задач на сплаве. Нужно было найти избушку, построенную для зимнего промысла и не имеющую к реке прямого отношения. Конечно, хозяин избы наверняка ловил рыбу и несколько раз за лето ездил туда из Куйла и обратно. Всё это подразумевало какую-никакую импровизированную пристань, но и её привыкшие к скрытности таёжные обитатели прятали обычно на боковой протоке, чтобы она не бросалась сразу в глаза летящему над основным руслом вертолёту. Указать близость жилья для неторопливо плывущего по реке человека могли бы поставленные в боковых култуках сети, но совсем не факт, что они будут выставлены по течению реки выше, а не ниже жилья. А сплав по рекам имеет одно досадное свойство: обратного хода у плывущего нет.

Потому я и плыл, часто приставая к берегу и отмечая не только лосиные переходы и медвежьи следы, то есть делая обычную работу странствующего охотоведа, но и присматриваясь к торчащим пням, тропам, валежнику. Близость промысловой избушки угадывается по увеличению количества пиленных пней, а также подвесов для капканов и прочих охотничьих хитростей.

Я поднялся на высокий, поросший высокоствольной лиственничной тайгой берег и вдруг увидел... Да, это был совсем неожиданный пенёк. Он торчал из мягкого смятого плю-

шевого зелёного мшистого ковра, словно клык или маленький обелиск. Его конец не был срезан пилой и не был обломан во время ветродуя. Конец пня выглядел как конус, обработанный каким-то грубым резцом или оббитый зубилом.

Я провёл ладонью по его шелушащейся серой поверхности. Хмыкнул.

Каменные люди... Такие пни во множестве оставляли на берегах Колымы юкагиры, не знавшие железа и валившие деревья каменными топорами. В холодном и сухом климате Севера они сохранились, наверное, лет за триста. Я просто не думал, что здесь, на Вороньей реке, находились их стойбища. Полуоседлые племена сибирского Севера не могли жить только охотой или только рыболовством, поэтому стремились селиться вдоль по-настоящему больших рек, где хотя бы рыбалка могла прокормить значительное количество людей.

Рыбалка же на Вороньей реке была посредственная и с трудом могла дать существование даже нынешним её насельникам, собранным, огрублённо, в четыре стойбища.

Я ещё раз огляделся. Этот пень был одинок и, судя по всему, не обозначал собой какую-то первобытную лесосеку. Возможно, некий одинокий странник, вооружённый парой дротиков, луком и каменным топором, бил здесь свою тропу из бассейна Колымы в бассейн Анадыря. Некая нужда заставила его здесь срубить дерево. Какая? Одиному путешественнику в диких местах хватает обычного валежника, валить каменным топором живое или, не дай бог, сухое дерево ради одного ночлега из тех тысяч, которые безвестный юкагир проводил в лесу, наверное, не стоило. Или стоило? Что мы на самом деле знаем о людях, живших здесь до нас?

Я спустился к песчаному пляжу на берегу култука, промерил несколько отпечатков медвежьих следов, записал результаты и сел в лодку. Судя по всему, сегодня добраться до охотника Салькина мне не удастся...

Лагерь на сплаве, особенно если странствуешь в одиночку, желательно разбивать за час до темноты. Вроде как и немного снаряжения, но вот время уходит буквально на всё: найти плоский ровный кусок берега, воткнуть туда палатку, раскатать оленью шкуру, заменяющую мне коврик, спальный мешок, составить под крышу особо ценные вещи, вытащить как можно выше по берегу весь остальной груз, накрыть его лодкой, расчалив её, чтобы не унесло неожиданным порывом ветра... Ну а дальше – варить уху или жарить мясо, прихлёбывать горький чай и смотреть, как рассыпается белое кружево золы на светящихся малиновых угольях. И думать, кому и зачем понадобилось выстрелом в висок поставить точку в жизни человека, оставшегося в устье Имлюеема.

Дело не в том, что меня, как и любого из обитателей этих мест, сильно беспокоила судьба забредшего в эти края одинокого туриста или исследователя. Ведь пускаясь в подобное предприятие в одиночку, ты принимаешь всю ответственность на себя, и всё вокруг сразу становится твоими и только твоими проблемами: необходимость обойти полузамёрзшее озеро, форсирование реки по глубокому перекату, возможность срезать восьмikiлометровый обход по каменистой тундре восемьюстами метрами кедрового стланика... Конечно, в их решении могут поучаствовать и встреченные люди – дать тебе на дорогу сахара, вяленого мяса, сгущённого молока... Или выстрелить в упор в голову.

Так вот, о выстреле в голову. Такой выстрел, по местным понятиям, надо было очень и очень заслужить.

Более того – если бы я нашёл в аналогичном положении кого-нибудь из здешних постоянных обитателей – Фёдора Дьячкова, его сына Колю, Сергея Чохова, метеоролога Козинцева или его напарника, ещё неведомого мне охотника Салькина, – то, скорее всего, уже дня через три выбросил бы этот случай из головы. Как обычно говорит мой приятель капитан милиции Свиридов, штатная ситуация. Когда люди долго живут на одном месте, они что-нибудь всенепременно не поделят. Даже если это такое «одно место», как Воронья река длиной четыреста километров.

Но это был не местный.

А неместному заработать за несколько дней или даже недель пулю в голову – так же проблематично, как Жириновскому стать президентом России. Стало быть, не вполне безнадежны дела у Вольфовича-то, – вяло так подумалось.

Тем более он был неместный был безоружен.

Все, конечно, слышали, как местные оленеводы не задумываясь стреляют в чужаков, которые бьют их домашних оленей. Так вот, на поверку это не совсем так. И более того – наверное, совсем не так. Стреляют «индейцы» только по совершеннейшим отморозкам. И то только по тем, которых видно за версту. Дураков пытаются наказать, балбесов – вразумить. А если оленя убил голодающий прохожий, то не только «не заметят», но и с собой заберут, обиходят и на ноги подымут.

А почему я думаю, что убитый на Имлюе не был совершеннейшим отморозком?

Одежда? Да, одежда совершеннейшего мажористого туриста. Кредитная карточка ведь наверняка у него здесь была. А мелкашка – вряд ли.

Кроме того, «суперменность», которая является основной причиной столкновений между местными и неместными, очень хорошо бросается в глаза. Поведенческий стереотип «всех на роги намотаю и по кочкам разнесу» бросается в глаза похлеще любого карабина. И единственный человек, встретивший этого незнакомца, Чохов, не мог бы этого не заметить.

Чохов же отнёсся к незнакомцу скорее с иронией. Естественно, так относились охотники-промысловики ко всем бродящим по Северу людям, цели которых неясны и далеки: зоологам, ботаникам, эпидемиологам, геодезистам, тем же охотоведам. В общем, ко всем тем, кто не ставил своей задачей наловить соболей, их продать и немедленно разбогатеть.

А вот к тем, кто как раз и собирался этим заняться, охотники-промысловики немедленно начинали относиться с внутриклассовой ненавистью, которая, заметим в скобках, куда сильнее классовой.

Но, если судить по одежде, убитый мог быть кем угодно, только не охотником-промысловиком.

Правда, существовали ещё две версии, и я на всякий случай решил их обдумать.

Первая заключалась в том, что случайного прохожего убил случайный же прохожий.

Вторая – это то, что случайный прохожий увидел нечто такое, чего ему видеть ни в жисть бы не полагалось.

А такая вещь была всего одна – золото. Или, как здесь принято говорить, *металл*.

С начала тридцатых годов и по сегодняшний день добыча золота была абсолютной монополией сперва советской, а потом российской власти. Правда, в середине девяностых открылся короткий период свободного предпринимательства в этой сфере. Но так он и закрылся практически тут же. Попытка самостоятельной золотодобычи наказывалась строго – вплоть до расстрела. И точно так же наказывалось вмешательство в дела тех людей, которых по колымскому обычаю называли «хищниками».

«Хищниками» в шестидесятые годы стали называть тех людей, которые на собственный страх и риск занимались промывкой золота на брошенных полигонах, приисках или вообще в найденных ими самими микроместорождениях.

Именно эти люди, нисколько не сомневаясь, могли пустить пулю в появившегося рядом с ними и заинтересовавшегося их делами человека.

При этом таким «хищником» мог быть практически любой человек, ведущий здесь одиночный образ жизни, – Чохов или тот же Салькин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.